

Дух приключений романов Джека Лондона, образность и глубина «Моби Дика» Германа Мелвилла — все нашло свое отражение в этой книге!

Корабль держит путь на Антарктику. Экипаж охотится на китов. Но тем временем на судне происходят загадочные события. Члены команды ведут войну друг с другом. Это динамичная, страшная история о роковом путешествии, о противоборстве гарпунера Генри Дракса и военного врача Патрика Самнера. Первый прослыл жестоким, опустившимся человеком, второй — беглец, который скрывается от суда за выдуманной биографией. Дракс опасается за свое будущее на борту корабля, а Самнер — за собственную шкуру. Остаться в живых должен только один из них.

В последнюю неделю июня они выходят в северные воды, и на рассвете следующего дня Блэк гарпунит их первого кита. Самнер, которого вывели из полудремы крики и топот ног на палубе, наблюдает за тем, как развивается охота, с высоты «вороньего гнезда». Он видит, как первый гарпун попадает в цель и раненый кит скрывается под водой...

...В широкий черный бок кита вонзаются еще два гарпуна, после чего охотники начинают добивать его пиками. Кит еще жив, но даже Самнер видит, что раны его смертельны. Четверо гарпунеров без усталости вонзают в него стальные жала. Кит, продолжая безнадежное сопротивление, выпускает столб горячего пара, перемешанного с кровью и слизью, а вокруг него буквально вскипает на волнах кровавая пена.

www.ksdbook.ru

www.bookclub.ua

ISBN 978-5-9910-3650-4

9 785991 036504

ISBN 978-617-12-1318-0

9 786171 213180

ЯН МАК-ГВАЙР
ПОСЛЕДНИЙ КИТ
В СЕВЕРНЫХ ВОДАХ

ЯН МАК-ГВАЙР

ПОСЛЕДНИЙ
КИТ

В СЕВЕРНЫХ ВОДАХ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
УДОСУГА

ЯН МАК-ГВАЙР

IAN MCGUIRE

THE
NORTH
WATER

A NOVEL

ЯН МАК-ГВАЙР

ПОСЛЕДНИЙ
КИТ

В СЕВЕРНЫХ ВОДАХ

РОМАН

ХАРЬКОВ
БЕЛГОРОД
2016

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
М15

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
McGuire I. The North Water : A Novel / Ian McGuire. —
London : Scribner, 2016. — 336 p.

Перевод с английского *Анатолия Михайлова*

Дизайнер обложки *Наталья Острогорская*

ISBN 978-617-12-1318-0 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3650-4 (Россия)
ISBN 978-1-4711-5124-8 (англ.)

- © Ian McGuire, 2016
- © Shutterstock.com / Paul Cowan, Paul S. Wolf, обложка, 2016
- © Nemigo Ltd, издание на русском языке, 2016
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2016
- © ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», г. Белгород, 2016

Абигейл, Грейс и Еве посвящается

ГЛАВА 1

*Ессе Ното*¹.

Шаркая ногами, он выходит из тупичка Клапписона на Сайкс-стрит и втягивает ноздрями воздух, в котором густо намешаны запахи скипидара, рыбной муки, горчицы, графита и резкая вонь утренней мочи из только что опорожненных ночных горшков. Чихнув, он проводит рукой по стриженной голове и почесывает промежность. Он обнюхивает пальцы, а потом медленно облизывает каждый по очереди, чтобы до последней капельки получить удовольствие за свои деньги. Дойдя до конца Чартерхаус-лейн, он сворачивает на север, на Уинкомли, и идет дальше, мимо таверны «Де Ла Поль», фабрики по производству спермацетовых свечей и мукомольного завода по переработке семян масличных культур. Над крышами складов он видит раскачивающиеся топы гrot-и бизань-мачт, и до него доносятся крики портовых грузчиков и глухие удары деревянных молотков с соседней бондарни. Он задевает плечом вытертую до блеска красную кирпичную стену, мимо него пробегает собака и проезжает повозка, нагруженная грубо обработанными досками. Он вновь делает

¹ Ессе Ното — «се человек», букв. «вот человек», «это человек». Слова Понтия Пилата об Иисусе Христе. Согласно Евангелию от Иоанна (гл. 19, ст. 5), прокуратор Иудей Понтий Пилат показал народу Иерусалима Иисуса Христа после бичевания, одетого в багряницу и увенчанного терновым венцом, желая возбудить сострадание толпы. Выражение стало крылатым. Его употребляют, в частности, когда хотят указать на достойное сострадания положение цивилизованного человека нашего времени. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

глубокий вдох, проводя кончиком языка по частоколу редких зубов. К нему приходит ощущение нового позыва, пока еще слабого, но настойчивого, нарастающего внутри — новой жажды, которую нужно утолить. Его корабль отплывает с первыми лучами рассвета, но до этого ему предстоит сделать еще кое-что. Он оглядывается по сторонам и спрашивает себя, что же привлекло его внимание. Он улавливает утонченный запах крови, доносящийся из мясной лавки, и подмечает, как колыхнутся засаленные юбки какой-то женщины. Он думает о плоти, животной и человеческой, а потом думает снова — нет, это еще не совсем то желание, решает он, оно еще не созрело и остается слабым, не слишком настойчивым.

Развернувшись, он возвращается в таверну. В этот утренний час бар почти пуст. В камине тлеет огонь, а в воздухе висит запах прогорклого масла. Человек опускает руку в карман, но нащупывает там одни лишь хлебные крошки, большой складной нож и монетку в полпенни.

— Рому, — говорит он.

Мужчина щелчком отправляет полпенни через стойку бара. Бармен опускает взгляд на монету и качает головой.

— Сегодня утром я уйду в плавание, — объясняет мужчина, — на «Добровольце». Я напишу тебе расписку.

Бармен лишь презрительно фыркает в ответ.

— Я что, похож на дурака? — вопрошает он.

Мужчина пожимает плечами и на мгновение задумывается.

— Тогда давай так — орел или решка. Мой нож против стаканчика твоего рома.

Он выкладывает на стойку бара свой складной нож, и бармен берет его, принимаясь внимательно рассматривать. Открыв лезвие, он пробует его остроту подушечкой большого пальца.

— Отличный нож, не сомневайся, — говорит мужчина. — Еще ни разу меня не подводил.

Бармен вынимает из кармана шиллинг и показывает его мужчине. Подбросив монету, он с размаху накрывает ее ла-

донью. Оба смотрят на стойку. Бармен удовлетворенно кивает, забирает себе нож и прячет его в карман жилетки.

— А теперь можешь проваливать, — роняет он.

Выражение лица мужчины ничуть не меняется. Он не проявляет никаких признаков раздражения или удивления. Кажется, что для него потеря складного ножа — часть большого и куда более сложного плана, который известен лишь ему одному. Спустя мгновение он нагибается, снимает резиновые матросские сапоги и ставит их рядышком на барную стойку.

— Бросай еще раз, — говорит он.

Бармен выразительно закатывает глаза и отворачивается.

— Мне не нужны твои чертовы сапоги, — говорит он.

— Ты уже выиграл у меня нож, — заявляет ему мужчина. — И теперь не можешь отказаться.

— Мне не нужны эти чертовы сапоги, — повторяет бармен.

— Ты не можешь отказаться.

— Я могу делать все, что пожелаю, понял? — говорит ему бармен.

У дальнего конца барной стойки стоит, облокотившись на нее, шетландец¹ и смотрит на них. На нем красуется вязаная шапочка с помпоном и брезентовые штаны, заляпанные грязью. Глаза у него красные, опухшие и пьяные.

— Я куплю тебе выпивку, — говорит он, — если только ты заткнешься.

Мужчина смотрит на него. Ему уже доводилось драться с шетландцами в Лервике и Питерхеде. Они — не очень сообразительные бойцы, зато настырные и крепкие, и их нелегко вырубить. За поясом у шетландца торчит ржавый фленшерный²

¹ Шетландец — представитель островного скандинавского народа, в основном — выходцев из Западной Норвегии, начавших освоение Шетландских островов приблизительно в VII веке. Шетландские острова — архипелаг, расположенный к северо-востоку от Шотландии, являющийся точкой разделения Норвежского и Северного морей.

² Фленшерный нож — серпообразный наружно-отточенный нож с длинной рукояткой. Предназначен для разделки китов (отделения китового жира (ворвани)).

нож с длинной рукояткой и изогнутым лезвием, да и сам он походит на человека, умеющего постоять за себя, пусть даже на лице у него сейчас написано кислое выражение. После недолгой паузы мужчина согласно кивает.

— Что ж, я буду тебе благодарен, — говорит он. — Я трахался всю ночь, и теперь у меня в глотке пересохло.

Шетландец кивает бармену, и тот с деланной неохотой наливает еще один стаканчик. Мужчина убирает с барной стойки свои резиновые сапоги, подхватывает стаканчик и идет с ним к лавке у камина. Через несколько минут он ложится на нее, подтягивает колени к груди и засыпает. Проснувшись, он видит, что шетландец сидит за столиком в углу и разговаривает с проституткой, темноволосой толстухой с покрытым пятнами лицом и грязными зубами зеленоватого цвета. Мужчина узнает ее, но имени вспомнить не может. «Бетти? — спрашивает он себя. — Хетти? Эстер?»

Шетландец подзывает к себе темнокожего мальчишку, который переминается с ноги на ногу в дверях, дает ему монету и велит принести тарелку ракушек из лавки торговца рыбой на Бурн-стрит. На вид мальчишке лет девять или десять, он худощав и строен, у него большие карие глаза и светло-коричневая кожа. Мужчина садится на лавке и набивает трубку последними крошками табака. Закурив, он оглядывается по сторонам. После сна он чувствует себя свежим и бодрым. Он ощущает, как напряглись под кожей канаты мышц и как бьется и пульсирует в груди сердце. Шетландец пытается поцеловать женщину, но та с жеманным смешком отталкивает его. «Хестер», — вспоминает мужчина. Женщину зовут Хестер, и она обитает в комнатенке без окон на площади Джеймс-сквер, где наличествует железная кровать, кувшин с тазиком и каучуковая клизма, чтобы смывать сперму. Он встает с лавки и подходит к столу, за которым сидят эти двое.

— Купи мне еще один стаканчик, — говорит он.

Шетландец, прищурившись, смотрит на него, потом качает головой и вновь поворачивается к Хестер.

— Всего один стаканчик, и больше ты меня не увидишь. Шетландец не обращает на него внимания, но мужчина не трогается с места. Похоже, он обладает неистощимым и бесстыжим терпением. Он чувствует, как сердце раздувается и сжимается у него в груди, обоняет обычные запахи таверны — вонь немывтых тел, кишечных газов, табачного дыма и пролитого эля. Хестер поднимает на него глаза и хихикает. Оказывается, зубы у нее серые, а не зеленые, а язык цветом похож на свиную печенку. Шетландец вынимает из-за пояса фленшерный нож, кладет его перед собой на стол и поднимается на ноги.

— Я скорее отрежу тебе яйца, чем куплю выпивку, — говорит он.

Теперь становится видно, что шетландец тощ, долговяз и гибок. Волосы и борода у него насквозь пропитались тюленьим жиром, и от него разит носовым кубриком¹. Мужчина начинает понимать, что он должен сделать — уловить природу своих нынешних потребностей и способ их удовлетворения. Хестер вновь сдавленно хихикает. Шетландец берет в руки нож и прижимает его плашмя к щеке мужчины.

— Я могу отхватить тебе твой гребаный нос и скормить его гребаным свиньям на заднем дворе.

При мысли об этом он смеется, и Хестер хохочет вместе с ним.

На лице мужчины не отражается и тени страха или беспокойства. Момент, которого он ждет, еще не наступил. Сейчас разыгрывается всего лишь скучная и унылая, но необходимая интерлюдия, некая пауза. Бармен достает деревянную дубинку и со скрипом петель откидывает деревянную крышку барной стойки.

— Ты, — говорит он, показывая на мужчину, — дерьмо собачье и проклятый лгун, и я хочу, чтобы ты убрался отсюда.

¹ Носовой кубрик — общее жилое помещение в носовой части судна для отдыха и сна команды.

Мужчина переводит взгляд на часы на стене. Только что миновал полдень. У него есть еще шестнадцать часов, чтобы сделать то, что должно. Чтобы вновь испытать удовлетворение. Желание, тупой болью отдающееся во всем теле, разговаривает с ним — иногда шепотом, иногда невнятной скороговоркой, а иногда — пронзительным криком. Оно никогда не умолкает совсем; если это случится, он поймет, что все-таки умер, что кто-то другой оказался быстрее и сильнее и прикончил его наконец, и на этом все кончится.

Он вдруг делает шаг к шетландцу, чтобы дать тому понять, что он ничуть его не боится, но тут же поспешно отступает. Повернувшись к бармену, он с вызовом вскидывает подбородок.

— Ты можешь засунуть эту *shillelagh*¹ себе в долбаную задницу, — говорит он.

Бармен молча указывает ему на дверь. Мужчина, уходя, сталкивается в дверях с мальчишкой, который возвращается с тарелкой исходящих паром и соблазнительными ароматами ракушек. На мгновение их взгляды встречаются, и мужчина чувствует, как его сердце начинает биться быстрее.

Он идет вниз по Сайкс-стрит. Он не вспоминает о «Добровольце», который сейчас стоит в порту и который он всю прошедшую неделю помогал приводить в порядок и загружать припасами, как не думает и о предстоящем шестимесячном плавании, будь оно проклято. Сейчас он думает только о настоящем, о том, что окружает его, — о площади Гротто-сквер, о турецких банях, об аукционном доме, о канатном дворе, о бульжной мостовой у него под ногами и равнодушном небе Йоркшира над головой. По натуре он вовсе не склонен нервничать или суетиться; если это необходимо, он будет ждать столько, сколько понадобится. Он находит стену и садится, привалившись к ней спиной; когда голод одолевает его, он начинает посасывать камень. Так проходит не-

¹ Shillelagh — дубинка (ирл.).

сколько часов. Люди, идущие мимо, замечают его, но не пытаются заговорить с ним. Вскоре наступит и его время. Он смотрит, как тени становятся длиннее, как начинается и вскоре прекращается дождь, как по сырому небу с содроганием проносятся тучи. Уже начинает темнеть, когда он наконец видит их. Хестер напевает какую-то балладу, а шетландец держит в одной руке бутылку с грогом, а другой неловко обнимает ее. Он смотрит, как они сворачивают на площадь Ходжсон-сквер. Выждав несколько мгновений, он быстрым шагом идет за угол, на Кэролайн-стрит. Ночь еще не наступила, но уже достаточно темно, решает он. Ярко светятся окна «Табернакля», в воздухе висит угольная пыль и запах куриных потрохов. До переулка Фишез-элли он добирается раньше их и быстро сворачивает в него. Пятачок двора, окруженный стенами домов, пуст, если не считать серого белья, сушащегося на веревке, и резкой аммиачной вони лошадиной мочи. Затаившись, он прячется во мраке дверного проема, сжимая в ладони половинку кирпича. Когда во двор входят Хестер и шетландец, он выжидает еще несколько мгновений, чтобы действовать наверняка, а потом делает шаг вперед и с размаху бьет соперника половинкой кирпича по затылку.

Кость ломается легко и без сопротивления. В воздух ударяет фонтан крови, сопровождаемый легким треском, словно кто-то переломил сырую ветку. Шетландец падает ничком, не издав ни звука, ударившись зубами и носом о булыжную мостовую. Прежде чем Хестер успеваеет крикнуть, мужчина приставляет ей к горлу фленшерный нож.

— Я выпотрошу тебя, как проклятую треску, — обещает он.

Она смотрит на него диким взглядом, после чего, сдаваясь, поднимает вверх грязные руки.

А он опустошает карманы шетландца, забирает все деньги и табак, а остальное выбрасывает. Вокруг головы шетландца уже расплывается кровавое пятно, но он еще дышит.

— Нужно куда-то оттащить этого ублюдка, — говорит Хестер, — иначе я окажусь по уши в дерьме.

— Ну, так и тащи, — отзывается мужчина. Он чувствует, как ему вдруг стало легче, словно мир вокруг него распахнулся во всю ширь.

Хестер пытается оттащить шетландца, ухватившись за его руку, но он слишком тяжел для нее. Поскользнувшись в луже крови, она падает на булыжную мостовую. Сначала она смеется над собой, а потом начинает стонать. Мужчина открывает дверь угольного сарая и, взяв шетландца за ноги, затаскивает его туда.

— Его могут найти завтра, — говорит он. — Но меня к тому времени здесь уже не будет.

Женщина выпрямляется. Ее все еще покачивает от выпитого, и она безуспешно пытается отчистить от грязи свои юбки. Мужчина поворачивается, чтобы уйти.

— Ты не дашь мне пару шиллингов, дорогой? — окликает его Хестер. — За все мои страдания.

У него уходит битый час, чтобы разыскать мальчишку. Его зовут Альберт Стаббз, и он ночует в облицованной кирпичом дренажной трубе под северным мостом, питаясь объедками. Время от времени ему удается заработать медяк-другой, выполняя поручения пьяниц, собирающихся в грязных портовых тавернах в ожидании корабля.

Мужчина предлагает ему поесть и показывает мальчишке деньги, украденные им у шетландца.

— Можешь заказывать все, что хочешь, — говорит он, — я заплачу.

Мальчишка молча смотрит на него, похожий на зверька, застигнутого врасплох в своей норке. Мужчина подмечает, что от него ничем не пахнет — посреди всей этой невообразимой грязи он каким-то образом умудряется оставаться чистым и незапятнанным, словно природный темный цвет кожи служит ему надежной защитой от греха, а вовсе не является, как полагают некоторые, его олицетворением.

— А на тебя приятно посмотреть, — сообщает ему мужчина.

Мальчишка просит рому, и мужчина достает из кармана грязную маленькую бутылку и протягивает ему. Мальчик пьет ром, глаза его туманятся и стекленеют, а ожесточенная сдержанность понемногу тает.

— Меня зовут Генри Дракс, — негромко и мягко, насколько это в его силах, поясняет мужчина. — Я — гарпунер. На рассвете я ухожу в море на «Добровольце».

Мальчишка равнодушно кивает, не выказывая ни малейшего интереса, словно ему уже неоднократно доводилось выслушивать подобные признания. Волосы у него сальные и тусклые, а вот кожа сохраняет противоестественную свежесть и чистоту. В смутном лунном свете она светится, как кусочек полированного тика¹. Обувь у мальчишки нет, и пятки его почернели и загубели от ходьбы по тротуарам. Дракса охватывает нестерпимое желание коснуться его — погладить по щеке или провести пальцем по выступающей ключице, например. Он полагает, что это станет сигналом к началу, так сказать.

— Я видел тебя сегодня в таверне, — говорит ему мальчишка. — Тогда у тебя не было денег.

— Положение дел изменилось, — поясняет Дракс.

Мальчик кивает и вновь прикладывается к бутылке. Пожалуй, на вид ему можно дать лет двенадцать, думает Дракс, просто он отстает в развитии, как это часто случается. Протянув руку, он отбирает у мальчика бутылку.

— Тебе нужно поесть, — говорит он. — Идем со мной.

Молча, не обменявшись ни словом, они поднимаются вверх по Уинкомли и Скалкоутс, проходят мимо гостиницы «Китовый ус» и склада пиломатериалов и останавливаются у булочной Флетчера. Дракс ждет, пока мальчишка жадно глотает пирог с мясом.

¹ Тик — вид листопадных деревьев. Растет в муссонных лесах Южной и Юго-Восточной Азии. Тиковое дерево — источник очень ценной древесины золотисто-коричневого цвета.

Закончив, мальчик вытирает рот ладонью, откашливается и сплевывает мокроту в сточную канаву. Внезапно он начинает выглядеть старше своих лет.

— Я знаю одно местечко, куда мы можем пойти, — говорит он, показывая на другую сторону улицы. — Это совсем недалеко, вон там, за шлюпочной мастерской.

Дракс моментально понимает, что его хотят заманить в ловушку. Если он войдет во двор шлюпочной мастерской в сопровождении негритенка, его избьют до полусмерти и ограбят, как последнего лоха. Но его удивляет, что мальчишка так грубо ошибся, оценивая его. Сначала его охватывает презрение, после чего он ощущает, как в груди у него поднимается теплая волна, накрывая его с головой, подобно неожиданно пришедшей оригинальной идее.

— Понимаешь, это я всех имею, — негромко говорит он. — А меня еще не имел никто и никогда.

— Знаю, — отзывается мальчик. — Я все понимаю.

Противоположная сторона улицы прячется в глубокой тени, в которой смутно виднеются десятифутовые деревянные ворота с облезлой зеленой краской, кирпичная стена и узкий проулок, засыпанный бутовым камнем и битым кирпичом. Света здесь нет, и единственными звуками, нарушающими тишину, остаются скрип каменной крошки под подошвами сапог Дракса и прерывистое, хриплое туберкулезное дыхание мальчишки. Луна похожа на желтую пилюлю, застрявшую в глотке неба. Через минуту они оказываются в просторном дворе, захламленном сломанными бочками и ржавыми железными обручами.

— Надо пройти через него, — говорит мальчик. — Это недалеко.

На лице его написано нетерпеливое ожидание. Если раньше у Дракса могли быть какие-то сомнения, то теперь они окончательно развеиваются.

— Иди ко мне, — говорит он мальчику.

Тот хмурится и жестом показывает, что им надо идти дальше. Дракс на мгновение задумывается о том, сколько же сообщни-

ков мальчишки поджидают его во дворе шлюпочной мастерской и чем они вооружены. Он спрашивает себя, неужели он действительно выглядит как беспомощный лох, которого могут безнаказанно ограбить сущие дети? Неужели именно такое впечатление он производит на притихший в ожидании мир?

— Иди ко мне, — повторяет он.

Мальчишка пожимает плечами и делает шаг вперед.

— Мы займемся этим прямо здесь, — говорит ему Дракс. — Прямо здесь и сейчас. Я не могу ждать.

Мальчик останавливается и качает головой.

— Нет, — возражает он, — лучше в шлюпочной мастерской.

Сумрак обширного двора идет ему, думает Дракс, придавая его смазливому облику черты мрачной и зловещей красоты. Сейчас мальчишка похож на языческого идола, на тотем, вырезанный из слоновой кости, на призрачный идеал, а не на живое существо.

— Интересно, ты и впрямь держишь меня за лоха? — спрашивает Дракс.

Мальчик на мгновение хмурится, а потом одаряет его кокетливой широкой улыбкой. Ничего нового, думает Дракс, все это уже случалось раньше, и случится еще не раз в другое время и в другом месте. Тело обладает утомительными и нудными привычками: его нужно кормить, мыть и опустошать содержимое кишечника.

Мальчик легонько касается его локтя и вновь кивает в ту сторону, куда им, по его разумению, надо идти. В шлюпочную мастерскую. В западню. Дракс слышит, как у них над головой пронзительно кричит чайка, подмечает тяжелый запах минеральной смолы и масляной краски, перевернутый звездный ковш Большой Медведицы. Схватив мальчишку за волосы, он наносит ему несколько ударов — два, три, четыре раза подряд, быстро и жестоко, без колебаний и сожалений — пока костяшки его пальцев не становятся темными и теплыми от крови и пока мальчик не обмякает в его руках, потеряв сознание.

Он совсем худенький и костлявый и весит не больше терьера. Дракс поворачивает его к себе спиной и сдергивает штаны. Акт не приносит ему ни удовольствия, ни облегчения, отчего он лишь свирепеет еще сильнее. Обманным путем его лишили чего-то живого и безымянного, но оттого не менее реального.

Тяжелые свинцовые тучи закрывают дурацкую луну. Откуда-то доносится грохот тележных колес с железным ободом и безумное мяуканье ошалевшей от течки кошки. Дракс быстро проделывает необходимые манипуляции: одно движение следует за другим, точные и бесстрастные, словно у машины, но не механические. Он впиается в окружающий мир зубами, словно собака в кость, — ничто не остается непонятым и недосказанным, как ничто не мешает ему утолить свою грубую и сумрачную жажду. Негритенок перестал быть тем, кем был совсем еще недавно. Он куда-то исчез, растворился, и на его месте возникло нечто совсем иное. Двор превратился в средоточие злой и черной магии и кровавых превращений, а Генри Дракс ощущает себя страшным и нечестивым колдуном-созидателем.

ГЛАВА 2

После того как он тридцать лет расхаживает по квартердеку¹, Браунли полагает себя знатоком человеческой природы, но этот новенький тип Самнер, этот доктор Пэдди², прибывший к нему прямиком из мятежного Пенджаба³, и впрямь крепкий орешек. Невысокий, с мелкими чертами узкого лица и напи-

¹ Квартердек — помост либо палуба в кормовой части парусного корабля, на один уровень выше шкафута, где обычно находился капитан, а в его отсутствие — вахтенные или караульные офицеры, и где устанавливались компасы.

² Пэдди — шутовское прозвище ирландцев.

³ Пенджаб — штат на северо-западе Индии.

санным на нем раздражающе вопросительным выражением, он сильно прихрамывает и разговаривает на каком-то варварском диалекте английского; тем не менее, невзирая на свои столь многочисленные и явные недостатки, Браунли не покидает стойкое убеждение, что он ему подойдет. Есть нечто такое в неуклюжести и равнодушии молодого человека, его умственных способностях и подчеркнутом стремлении *не* выглядеть угодливым, что представляется Браунли странно притягательным, быть может, еще и потому, что повадками он напоминает ему себя самого в годы беззаботной молодости.

— Ну, так что там случилось с вашей ногой? — небрежно интересуется Браунли, поощрительно покачивая собственной лодыжкой. Они расположились в капитанской каюте «Добровольца», потягивая бренди и обсуждая предстоящее плавание.

— Мушкетная пуля сипаев¹, — поясняет Самнер. — Угодила прямоком мне в голень.

— Это случилось в Дели? После осады?

Самнер согласно кивает головой.

— В первый же день штурма, близ Кашмирских ворот².

Браунли выразительно закатывает глаза и восхищенно присвистывает:

— Вы видели, как убили Николсона³?

— Нет, но я видел его тело. На горном кряже.

¹ Сипаи — наемные солдаты в колониальной Индии (XVII—XX век), рекрутировавшиеся европейскими колонизаторами, чаще всего англичанами, из среды местного населения. Этот термин до сих пор используется в армиях Индии, Пакистана и Бангладеш для обозначения рядового состава.

² Кашмирские ворота — ворота в Дели, служившие северными воротами укрепленного Старого Дели. Они были построены по проекту британского военного инженера Роберта Смита в 1835 году и названы так потому, что через них проходила дорога на Кашмир.

³ Джон Николсон (1822—1857) — бригадный генерал, командир «летучего отряда» численностью в 4200 человек с осадной артиллерией, прибывшего из Пенджаба на помощь осаждающим Дели британским войскам. Умер от смертельного ранения на следующий день после взятия города.

— Выдающийся был человек, этот Николсон. Настоящий герой. Говорят, что черномазые поклонялись ему, как какому-нибудь божеству.

Самнер в ответ лишь пожимает плечами.

— У него был телохранитель-пуштун¹. Здоровенный малый по имени Хан. Спал у входа в его палатку, чтобы защищать его. Ходили слухи, что они были еще и любовниками.

Браунли качает головой и улыбается. О Джоне Николсоне в лондонской «Таймс» он прочел все: о том, как тот вел своих людей маршем по дьявольской жаре и даже не вспотел и ни разу не попросил воды, или о том, как однажды одним ударом своей могучей сабли разрубил мятежника-сипая напополам. Если бы не такие люди, как Николсон, — нестигаемые, суровые и жестокие при необходимости, — империя, по мнению Браунли, развалилась бы еще много лет назад. А не будь империи, кто покупал бы ворвань и китовый ус?

— Зависть, — говорит он. — И ожесточение. Николсон — настоящий герой, чрезмерно жестокий иногда, судя по тому, что я слышал, но чего еще можно было ожидать?

— Я видел, как однажды он повесил человека только за то, что решил, будто тот улыбнулся ему, а ведь бедолага и не помышлял ни о чем подобном.

— Следует сразу же провести черту, Самнер, — убежденно заявляет Браунли. — Необходимо соблюдать стандарты цивилизованного мира. Что поделаться, иногда приходится тушить пожар огнем. В конце концов, черномазые убивали женщин и детей, насиловали их, перерезали им тоненькие горлышки. Подобные вещи заслуживают справедливого возмездия.

Самнер согласно кивает и опускает взгляд на свои серые брюки, выцветшие на коленях, и нечищенные короткие сапож-

¹ Пуштуны — иранский народ, населяющий в основном юго-восток, юг и юго-запад Афганистана и северо-запад Пакистана, основными отличительными характеристиками которого служат восточно-иранский язык пушту, традиции номадизма, кодекс чести Пуштунвалай и разветвленная родоплеменная структура.

ки по щиколотку. А Браунли спрашивает себя, что собой представляет его новый судебный врач, кто он — циник или сентиментальный человек либо (если такое вообще возможно) и то, и другое понемножку?

— Да, чего-чего, а такого добра там было навалом, — заявляет Самнер, с улыбкой поворачиваясь к нему. — Недостатка в справедливом возмездии не было. Да, ничуть.

— Ну, и почему же вы уехали из Индии? — интересуется Браунли, устраиваясь поудобнее на скамье с мягкой обивкой. — Почему уволились из 61-го полка? Из-за ранения?

— Нет, конечно, Боже упаси. Оно принесло мне почет и уважение.

— Тогда почему?

— На меня вдруг свалилась куча денег. Шесть месяцев тому мой дядя Донал скоропостижно скончался и оставил мне свою молочную ферму в Мейо — пятьдесят акров, коровы и маслобойня. Она стоит, по меньшей мере, тысячу гиней, и наверняка даже больше, так что я мог бы купить себе уютный славный домик где-нибудь в Центральных графствах Англии, а заодно и небольшую респектабельную практику в каком-нибудь тихом, но состоятельном местечке: Богноре, Гастингсе, может быть, Скарборо. Видите ли, мне нравится дышать соленым воздухом, а еще я очень люблю неспешные пешие прогулки.

Браунли питает самые серьезные сомнения относительно того, что достойные вдовы Скарборо, Богнора или Гастингса доверяют лечение своих недугов какому-то чужаку-недомерку, но он предпочитает оставить свое мнение при себе.

— Ну, и что же вы тогда делаете здесь, сидя рядом со мной, — вместо этого любопытствует он, — на гренландском китобойном судне? Я имею в виду, столь выдающийся ирландский землевладелец, как вы?

Его сарказм вызывает у Самнера улыбку, но доктор лишь почесывает нос.

ОБ АВТОРЕ

Ян Мак-Гвайр вырос в окрестностях Халла и учился в университетах Манчестера и Вирджинии, США. Он является основателем и содиректором Центра Нового Стиля при университете Манчестера. Он пишет критические статьи и художественные произведения, а его рассказы неоднократно публиковались в обзорах «Чикаго Ревью», «Пэрис Ревью» и других. Его первым произведением стала повесть «Подноготная», а роман «Последний кит. В северных водах» — вторая важная веха в творчестве писателя.

Літературно-художнє видання

МАК-ГВАЙР Ян
Останній кит. У північних водах

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Координатор проекту *Т. М. Куксова*
Відповідальний за випуск *М. І. Коміна*
Редактор *С. В. Душкевич*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 15.09.2016. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 15,96. Наклад 10000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

МАК-ГВАЙР Ян
Последний кит. В северных водах

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Координатор проекта *Т. Н. Куксова*
Ответственный за выпуск *М. И. Комина*
Редактор *С. В. Душкевич*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 15.09.2016. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 15,96. Тираж 10000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов, художников, переводчиков и редакторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

Полювання на китів — заняття для справжніх чоловіків. На судні, що прямує до Антарктики, зустрілися двоє тих, кому нема чого втрачати: занепалий гарпунер Генрі Дракс і військовий лікар Патрік Самнер, який переховується від слідства. Для одного з них цей рейс стане останнім...

Мак-Гвайр Я.

М15 Последний кит. В северных водах : роман / Ян Мак-Гвайр ; пер. с англ. А. Михайлова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2016. — 304 с.

ISBN 978-617-12-1318-0 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3650-4 (Россия)

ISBN 978-1-4711-5124-8 (англ.)

Охота на китов — занятие для настоящих мужчин. На судне, идущем по направлению к Антарктике, встретились двое тех, кому нечего терять: опустившийся гарпунер Генри Дракс и военный врач Патрик Самнер, скрывающийся от следствия. Для одного из них этот рейс станет последним...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)